

ГЛАВА 7

Утром в понедельник друзья вместе с Виктором возвращались в Город. Договорились, что Михаил отвезет их до ближайшей станции, где они сядут на электричку.

Но перед тем, как ехать, предстояло заняться одним важным делом — ритуалом-погружением, из-за которого они и попали в переделку с охранником. Ритуал шаман называл «единством внутреннего и внешнего». Камлал он на берегу Реки, там где Петр провел первую ночь в Деревне.

Шаман нарисовал круг, разделив его на четыре сектора и внутри — центр в виде маленького круга, куда он положил амулет с человеком-рыбой, который молодые люди забрали у охранника.

Как и в прошлый раз, когда он проводил этот обряд на поляне в балке, на каждый из секторов Виктор положил камень: желтый на востоке, красный на юге, черный на западе и белый на севере. Сектор весны, сектор лета, сектор осени и сектор зимы. В желтый сектор он попросил сесть Андрея, в красный — Элеонору, в черный сел сам с бубном, а в белом был Петр.

В этом ритуале важно было всех троих друзей отправить в параллельное пространство, пространство духа, чтобы ткань проявленного и непроявленного соединилась. Колесо являлось своего рода прокладкой, промежуточным звеном между земным миром и миром небесным. Петр не знал, попадут ли они в ПМЖ, но ему было безумно интересно получить этот опыт.

Шаман обратился к молодым людям, пока они были при памяти и не вошли в транс.

— Колесо — это карта, которая проявляет основополагающие законы и структуры нашего Земного мира. Это мост, соединяющий настоящее и прошлое. Колесо — это связующее звено. И сегодня вы, собрав вместе свою суть, проявленную и непроявленную, приведете его в действие. Помогут вам в этом воспоминания. Воспоминания о том, что явилось движущей силой всего происходящего сейчас в яви и нави, что случилось многие тысячелетия назад и что колесо раскручивает до сих пор.

Виктор начал бить в бубен, сначала тихо, потом все сильнее и сильнее. Звук отражался от воды и создавал тонкий, но мощный резонанс, проникая в тела Петра, Андрея и Элочки, растворяя их в среде времен.

— Вы ищете нечто, что разбудит вас для новой, осмысленной жизни, что позволит повернуть время вспять. Это нечто, в чем вы увидите суть вашего существования.

Амулет с изображением человека-рыбы заиграл четырьмя цветами: желтым, красным, черным и белым, ослепляя своим светом.

Люди словно становились водой, растворяясь в окружающем пространстве и времени, утекали куда-то далеко, возможно, в другие вселенные.

— Какие цвета вокруг? Как выглядит земля под ногами? На что вы опираетесь? Какие присутствуют запахи? И, наконец, кто встречает вас у врат этого мира?

Друзья стояли перед высокими коваными воротами, запертыми изнутри на большой увесистый замок. Перед воротами на той стороне стоял Человек в коричневом капюшоне.

— Приветствую, я ждал вас, — он открыл ворота и впустил путешественников.

Они шли по какому-то саду, но так как вокруг было темно, разглядеть детали не удавалось. Цикады убаюкивали своими трелями. Вдалеке показался силуэт здания.

Когда они оказались рядом, Человек в коричневом капюшоне поклонился и ушел. А по ступеням уже спускался другой человек, в балахоне. На свету стало видно, что балахон был такого же кроя, что и у человека в коричневом капюшоне, только темно-синего цвета.

— Я один из Хранителей запасника Пространства Между Жизнями. И я проведу вас к тому экспонату, ради которого вы сюда пришли. Мы, музейные Хранители, ведем учет всех экспонатов, которые по разным причинам не входят в основной фонд библиотеки, и отвечаем за их сохранность. Вещи здесь по вашим земным меркам могут храниться тысячами и даже миллионами лет.

Пока друзья шли по зданию хранилища, они встретились еще с несколькими людьми в синих балахонах с капюшонами.

— И много вас? — спросил Петр.

— Да, Смотрителей, которые носят коричневые балахоны, больше. Но и нас немало. Поддерживать экспонаты в надлежащем виде — это, конечно, не такая нервная работа, как наблюдать за живыми людьми, направлять их, посылать знаки. Но все же это тоже требует некоторых усилий. А еще нами ведется научно-исследовательская деятельность: нужно экспонат изучить, чтобы переформатировать его в голографический вид. Надо проверить, не произошло ли ошибки, когда его отправили к нам, т.е. понять, откуда он, зачем и как к нам поступил.

— Как интересно! А почему Смотритель не пошел с нами? — поинтересовался Андрей.

— В фонды не пускают никого, кроме Хранителей и нуждающихся душ, что бывает крайне редко. Обычно пользуются библиотекой. Ну и Большим, конечно, свободный доступ.

— А что именно вы здесь храните? — Элеонора.

— Мне велено показать вам только одну комнату в Историческом Отделе Хранилища. Я за него как раз и отвечаю. Остальную информацию выдавать запретили. Даже то, что вы здесь, и вам доверено посмотреть одно из пространств Исторического Отдела — уже удивительно.

На лифте они спустились в Хранилище. Человек в синем капюшоне оставил друзей одних, сказав, что в нужный момент он опять появится, чтобы проводить их к воротам.

Внутри комнаты был приглушенный свет и довольно прохладно. Везде стояли старинные сундуки с разными надписями и рисунками.

— А что дальше делать-то? — спросил Андрей.

— Подожди, давай подумаем. Что объединяет все эти сундуки? — сказала Элеонора.

— Ну они деревянные, на них что-то написано. На разных языках. На некоторых вообще не буквы, а непонятно что, — рассуждал Андрей.

Петр ходил по комнате, забитой сундуками, и пытался понять, в какой логике они расположены.

Уже через несколько минут он громко сказал друзьям:

— Смотрите. Вот сундук в углу, на нем рыба нарисована и что-то написано, наверное. Тут клинышки.

— Это шумерская клинопись, если я правильно вспоминаю картинки, которые я видела в книгах по истории Древнего мира. Хотя я могу ошибаться. — произнесла Элеонора, подходя к сундуку, около которого остановился Петр.

— Только вот как его открыть? Тут даже замка нет! — сказал Петр, ощупывая сундук со всех сторон.

— А на других сундуках другие животные нарисованы, гляньте какой бык мощный, — Андрею, как обычно, было все любопытно.

Элочка ощупывала сундук, одновременно оглядывая его со всех сторон.

— Так. Тут точно есть крышка, значит он открывается. Звук глухой — она простукивала сундук сверху, снизу, с боков.

Сундук был сделан из кедра, доски его тщательно обработаны умелым мастером и подогнаны друг к другу так, что создавалось впечатление монолитной конструкции. Обит он был металлическими медными полосами, которые образовывали клетки, соединяясь между собой. Знаки клинописи перемежались с рисунками рыбы в разных ракурсах.

Элеонора приложила ладонь с торца и в задумчивости оставила ее на несколько секунд. Комната осветилась. Девушка убрала руку — свет погас. Приложила еще раз — свет опять появился. На сундуке проступил не один, а три отпечатка ладоней.

— Петр, погляди, — она указала ему на отпечатки, — приложи руку.

Петр приложил. Это место начало переливаться светом.

— Эй, Андрей, иди сюда, — позвала она молодого человека, который замороженно смотрел на происходящее.

Когда и Андрей приложил свою руку, что-то щелкнуло и крышка открылась.

На дне сундука лежали глиняные таблички, на них были выцарапаны знаки, похожие на те, что украшали сундук с наружной стороны.

Петр взял их в руки.

«История воина Дуду, последнего из рода правителей Загессы и первого правителя Страны Великой Степи».

— Ты что, по-шумерски читаешь? — удивился Андрей.

— Не замечал за собой раньше таких способностей. Но, похоже, читаю.

Из середины верхней таблички исходил свет, который создавал разноцветную радугу. Еще через какое-то время друзья увидели голограмму, на которой стали появляться разные картинки. Слова или надписи передавались в голову молодых людей, как будто в ушах у них были наушники.

На полу округлой хижины с каменными стенами и ост-роконечным соломенным потолком сидел мальчик-подросток. У его ног располагался гончарный круг, на котором он неуклюже пытался лепить горшки. Раздосадованное лицо мальчика свидетельствовало о том, что выходило не очень. Он злился, бросал, но потом начинал заново. Когда в комнату вошел пожилой не очень трезвый мужчина в простом балахоне из льна, он услышал как мальчик выругался, за что мужчина тут же отвесил ему увесистый подзатыльник.

— Дуду, выродок, опять ты портишь материалы! — про-ревел мужчина. — У тебя все валится из рук. Ты или лентяй, или глупец, который не может справиться даже с такой эле-ментарной работой!

Мальчик еле сдерживал слезы, в которых были смешаны злость и отчаяние.

— Отец, я не предназначен богами для этой работы.

Слезы подростка и его слова еще больше разозлили от-ца, так что он закричал:

— Рыдать вздумал? Я каждый день жалею, что твоя по-койная мать решила взять тебя, дармоед!

Размахнувшись, он попытался еще раз ударить Дуду, но тот извернулся, с силой толкнул мужчину и пулей выле-тел из хижины.

Весь в слезах он бежал мимо рынка, наполненного па-латками уличных торговцев. Споткнулся, упал, не заметив корзину с фруктами, перевернул ее. Тут же к нему подбежал хозяин корзины, начал ругаться. Торговец обратился к шед-шему по своим делам сборщик податей:

— Господин, накажи этого мальчишку. Он испортил мне товар. Я исправно плачу налоги. Пусть его отец мне заплатит.

Сборщик податей оттолкнул его с презрением:

— Вы, шумеры, мерзкий народ, вечно всем недовольны. Мне некогда разбираться с такой мелочью.

Дуду, улучив момент, побежал дальше. Краем уха он слышал, как возле одной из палаток ругались покупатель и продавец.

Покупатель разгоряченно:

— Да ты же обсчитал меня, хитрец! Думал, я не замечу? А я так скажу — тебе, вместе с твоим аккадским племенем, лучше убраться отсюда подобру-поздорову!

Другие горожане проходили мимо палатки, одобрительно посмеиваясь и поддерживая покупателя.

И вот уже мальчик сидел один за городом, думая о том, что же ему делать дальше. Домой возвращаться нельзя, отец убьет его за такую дерзость. Остаться здесь, где его могут загрызть дикие животные, небезопасно. Он вспомнил, что когда убегал, то не успел снять поясную сумку, в которой обычно носил кусочек хлеба, на случай, если проголодается, и приспособления для разведения огня, чтобы не терять их, когда нужно зажечь печь, чтобы обжечь горшки, сделанные его отцом и работниками. Дуду распалил костер, вытащил из сумки маленький кусочек хлеба, съел его, высыпал крошки на ладонь, пытаясь их слизать.

Греясь у костра, он думал о том, что нужно сходить в храм, чтобы помолиться богам и попросить для себя лучшей доли, чем доля горшечника.

Вой волков заставил его засыпать костер и вернуться в город.

Ноги сами несли его в храм, подойдя к которому, он немного помедлил, раздумывая о том, не накажут ли боги за плохое поведение и достоин ли он того, чтобы что-то у них просить. Но, когда перед входом в святилище он увидел гипсовую статуэтку бога войны Нинурту, в нем прибавилось уверенности.

По стенам вокруг скользили тени от горящих свечей, а мальчик самозабвенно общался с Нинуртой и не услышал, как к нему тихо подошла немолодая женщина и села рядом. Это была жрица храма, одетая, как и подобает жрицам, в бе-

лую тогу до пят, обрамленную вышивкой из нитей, сделанных из шерсти молодых барашков.

— Кто ты, мальчик? Откуда ты пришел и где твои родители? — спросила она ласково.

Дуду, не ожидая увидеть другого человека, резко повернулся в сторону жрицы. Он был похож на затравленного волчонка.

— Мое имя Дуду. Мать моя Бити, но она умерла семь лет назад, а отца зовут Лишкур. Я сбежал из дома. Отец хотел приспособить меня к гончарному делу, но я совершенно ничего не смыслю в этих дурацких горшках. Меня намного больше привлекают настоящие дела: военное ремесло и сама война!

Жрица встала, подошла к окну храма, откуда видна была шумерская ночь. Немного помолчав, развернулась к Дуду и произнесла задумчиво:

— Вот оно как, я узнала тебя... А ведь в твоих словах больше смысла, чем ты можешь себе представить... Знаешь ли ты, Дуду, что ты из воинского рода, а твоему настоящему отцу пришлось стать воином, хотя он изначально выбирал другой путь?

Дуду ошарашено смотрит на жрицу:

— Да что ты такое говоришь?

— Неужели ты сам никогда не чувствовал, что твой отец тебе не родной? Может быть, именно потому, что он достойный человек и вырастил тебя, как своего сына. И о тебе должен кто-то заботиться. Так что возвращайся домой.

Дуду машет головой:

— Нет. Я ненавижу Лишкура!

Храмовая жрица продолжила ровным тоном:

— Он не заслуживает к себе такого отношения, Дуду. Я не удивлена, что тебя манит военное дело, хотя едва ли ты действительно станешь воином. Ведь для всех ты сын горшечника. Но если ты будешь много работать, то однажды заработаешь достаточно денег, чтобы пойти учиться воен-

ному искусству. Да, и не забывай: тебе потребуется очень дорогое военное обмундирование.

Дуду развернулся. В смятении чувств громко, почти переходя на крик:

— Часто я чувствовал, что я воин, я рожден воином. Я готов на многое ради достижения своей мечты. И уж отсутствие денег меня точно не остановит! Тем более теперь, когда я наконец-таки понял, кто я.

Жрица взяла за плечи разволновавшегося подростка, пытаюсь его успокоить, и повела к выходу из храма.

— Упорные люди вроде тебя действительно могут многого добиться. Грядет эпоха перемен, открывающая большие возможности для тех, кто готов ими воспользоваться. Но сейчас лучше вернуться домой к семье, мой мальчик.

Но Дуду не мог оставаться в доме горшечника. Нужно бежать из дома, куда-нибудь. Может, поступить в прислужники к какому-то воину?

Для начала он хотел попрощаться с мачехой, эта женщина последние семь лет заменила ему мать и была добра к нему. Когда он зашел в хижину, она толкла в миске какие-то травы. Рядом стояла люлька, в которой спал ее малыш. Увидев Дуду, прошептала, чтобы не разбудить ребенка:

— Ты вернулся?

— Не совсем, мама, я пришел, чтобы с тобой попрощаться. А что это за запах?

— Я готовлю лекарство для твоего отца. Надеюсь, оно сможет унять его боль. — продолжает еще тише. — А тебе лучше бежать отсюда как можно скорее. Отец очень зол после того, как ты толкнул его, и он неудачно упал, сломав руку. Говорит, что продаст тебя в рабство аккадцам!

Дуду обнял мачеху, она сунула ему в руку узел с едой и немного денег. Мальчик положил деньги в сумку, привязал узел к поясу и вышел из хижины.

Переночевать ему было негде, а оставаться дома он больше не мог.

Уснул он на окраине города Урук, в траве у дороги. Уже под утро, когда солнце только занималось, он проснулся от какой-то возни в кустах неподалеку. Почувствовав, что голова его лежит на земле, он поднялся. Мальчик помнил, что засыпал на своей походной сумке, которую собрала ему его мачеха, положив туда деньги. Сумки рядом не оказалось, она валялась возле кустов, но была пустой.

Выбежав на дорогу, Дуду увидел быстро удаляющийся силуэт мужчины. Юноша побежал за ним, и так как он всегда выигрывал мальчишеские соревнования на скорость и выносливость, вора он догнал без труда.

Вор, одетый в воинское снаряжение, остановился, бросил украденные вещи на землю и вытащил меч. Но ударом кулака Дуду успел сбить противника с ног. Тот упал на землю, выронив меч, который мальчик тут же схватил и, прежде чем противник поднялся, нанес ему смертельный удар.

Озираясь по сторонам, Дуду вытащил из карманов вора свои деньги, еду тот уже успел съесть. Он также снял с поверженного противника воинское облачение. Оно ему пришлось впору, поскольку, хоть ему и исполнилось всего 14 лет, но ростом он был как средний мужчина и от природы обладал мощным телосложением.

Куда ему идти, Дуду не представлял: в город возвращаться нет смысла, там его знают, начнут расспрашивать, откуда у него меч и воинское снаряжение. Кинут в тюрьму за убийство. Но а что ему оставалось делать? Если бы он не убил этого человека, тот бы убил его. Судя по снаряжению, это был аккадец, а в городе даже за вредительство аккадцев, которые занимали почти все важные должности, могли не просто посадить в тюрьму, но и казнить. Что уж говорить об убийстве с последующим ограблением?

Погруженный в свои мысли, он шел по обочине широкой дороги, ведущей из Урука в Ниппур. Меч волочился по земле, сил не хватало, и очень хотелось есть.

Примерно через час пути Дуду упал и потерял сознание.

Сколько он так пролежал, неизвестно, но пришел он в себя от того, что кто-то тряс его за плечо и поливал водой.

Мальчик открыл глаза. Перед ним стоял аккадский воину-лучник. Войско лучников считалось элитой армии Шарумкена Великого. На нем была юбка-каунакес красного цвета, а за спиной лук и колчан со стрелами.

— Эй, парень, ты жив? — спросил мужчина.

— Да... Где я, кто ты? — ответил ему мальчик.

— Я воин великого царя Шарумкена, наш лагерь на привале неподалеку. Случайно увидел тебя, лежащего у дороги, и вот решил помочь. Негоже бросать воинов на смерть вот так.

— Благодарю тебя, но что же произошло? Я совсем ничего не помню.

Дуду все прекрасно помнил, но решил от греха подальше делать вид, что он потерял память. К тому же он подумал прибавить себе пару весен, чтобы его как ребенка не отправили домой и не прознали, что воинская одежда не его.

— Пойдем, я отведу тебя. Тебе явно стоит подкрепиться, а то выглядишь-то не очень.

Дуду и мужчина-воин дошли до лагеря, который стоял неподалеку. Там Дуду получил еду, питье и немного отдохнул.

Узнав, что к ним прибыл молодой воин, который потерял сознание на дороге, в шатер, где тот спал, зашел командир военной группы. В Дуду он признал вполне годного по физическим данным кандидата в их армию, но ему показалось, что он очень молод.

— Сколько тебе лет? — спросил военачальник молодого человека, когда тот проснулся.

— 18, мой господин.

— Хапар говорит, что нашел тебя у дороги, и ты ничего не помнишь. Жаль, что ты потерял память — на вид-то ты вполне силен! Да и твоя одежда свидетельствует, что ты воин нашей, аккадской армии. У тебя есть все физические

данные для того, чтобы служить в нашем войске лучников. Давай посмотрим, как ты стреляешь.

Дуду очень хотелось присоединиться к армии лучников. И он так ненавидел своего отца, который был шумерцем, что готов был воевать на стороне аккадцев, которые уже более десяти лет правят во многих шумерских городах и своим семитским племенем потеснили истинных людей, черноголовых (так называли себя сами шумеры). Но из настоящего лука он стрелять не пробовал, хотя упражнялся из самодельного, который смастерил себе втайне от отца и прятал под полом, где хранили вещи покойных предков.

— Я не уверен, что был лучником. Но я хочу попробовать. И буду служить верой и правдой великому Шарумкenu.

Первые выстрелы Дуду не очень давались, но он довольно быстро приуверился к настоящему боевому оружию и уже через несколько попыток управлялся с ним вполне сносно и даже поражал тренировочные цели.

Под одобряющие и явно заинтересованные возгласы других мужчин он показывал себя в прямом столкновении. Благодаря своей физической силе и выносливости он справлялся очень хорошо, лихо отбивая атаки соперников и нанося удары в ответ.

— Да, парень, из тебя выйдет толк. — прокомментировал увиденное военачальник. — Оставайся служить великому Шарумкenu в моем войске.

Дуду остался в армии аккадских лучников, которая была гордостью великого Шарумкена. Это была грозная сила, превосходящая многих противников и в защите, и в нападении. Лучники мастерски пользовались не только обычными луками, некоторые из них располагали составными луками, выигрывающими по точности и дальности в у всех других. Помимо луков они владели оружием ближнего боя, таким как топоры, булавы, кинжалы, в использовании которых им тоже не было равных. Сам Шарумкен отбирал лучших из лучших в армию лучников. Он щедро

одаривал их наградами и властью, и взамен они сделали его тем великим царем, который остался в истории даже тысячелетия спустя. Они были практически непобедимы, и многие армии, видя их в бою, бросали оружие и убегали, зная, что аккадские лучники все равно возьмут верх. Именно войско лучников позволило Шарумкену одержать победу над шумерской армией. Ко всему прочему их было гораздо легче и дешевле тренировать, чем колесничих или тяжелую пехоту. Что позволило царю сделать свою армию самой многочисленной на Ближнем Востоке.

Одной из любимых тактик аккадского войска была навесная стрельба, когда многочисленные стрелы атаковали градом по кривой дуге неповоротливые шумерские фаланги и колесницы, минуя ряд щитоносцев. А когда это заставляло шумерские войска обращаться в бегство, лучники в рассыпном строю преследовали противника, поражая бегущих с поля боя шумерских воинов в спину.

Город за городом сдавались Шарумкену и его войску. В 24-м веке до н.э. он объединил под своей властью все Южное Двуречье.

Главная битва аккадского воина Дуду шумерского происхождения, которое он скрывал ото всех до конца своих дней, битва, которая изменила не только его жизнь, но и историю Шумера, состоялась через 10 лет после поступления в армию лучников Аккада.

Накануне этой битвы Шарумкен дал особый приказ: убить последнего из рода Загесси. Он уже уничтожил царя Лугальзагесси, у которого не было детей. И теперь во главе войска встал его брат, Элайя, который раньше был главным жрецом Урука, но повел в бой своих соотечественников. Шарумкен ни разу не встречался с Элайей, но боялся его. Причиной этого было то, что как-то в юности, когда Шарумкен был еще сыном простого виноградаря, одна ведунья предсказала ему, что станет он великим правителем, и раскинет его империя с севера на юг и с востока на запад, и будет

слыть он самым великим воином, которого только знал мир. Но придет время, и он бесславно умрет, сраженный последним из рода царей черноголовых. Шарумкен верил в вещи сны, знаки и предсказания.

И вот день главной битвы настал. Пустынная местность заполнилась воинами двух армий.

Дуду находился во втором ряду среди тех, кто наносил непосредственные удары противнику. Он дрался как зверь, и не было ему равных. Сначала он стрелял из лука, делая это очень умело. Пожалуй, он был одним из самых метких лучников аккадской армии. Но все же стрельба из лука несколько ограничивала и не давала войти в раж. Нужно было сконцентрироваться, а для этого требовался полнейший внутренний покой и отсутствие эмоций. Тогда в ход шел его кинжал, который подарил ему военачальник после его первого сражения. С тех пор это был талисман Дуду, не раз спасавший его и сохранявший ему жизнь. В гуще толпы он колот и резал, и в этот момент не принадлежал себе. Война — это единственное, что он мог. И он не задавал себе вопросов, зачем это ему и почему он здесь. Это был его путь.

На этот раз схватка с шумерами во главе с Элайей оказалась недолгой, а потери аккадцев были невелики. Шумеры же, потерпев неудачу, в большей своей массе обратились в бегство, бросив копья и щиты. Но большинство сбежавших постигла незавидная участь: они были убиты в спину выстрелами из лука. Когда противник был почти повержен, на передний фланг выбежал Шарумкен, заметив по отличительным царским знакам предводителя шумеров, Элайю. Он лично хотел его убить. Но тот оказался хитрее. Отвлекающим маневром он выбил из руки аккадского царя меч.

— Умри, аккадская собака, — прокричал Элайя, занося меч над Шарумкеном.

Но ему не удалось осуществить свое намерение, так как могучий воин подбежал к нему сзади и проткнул мечом. Это был Дуду.

Элайя упал, перед смертью посмотрев в лицо воина, в котором он узнал свое лицо в молодости. Поверженный жрец-предводитель прохрипел и умер, прошептав перед смертью на шумерском: «Значит, она пощадила тебя. Сбылось пророчество. Умер Шумер, умер старый мир».

Дуду все понял, он отлично знал шумерский, который был его родным языком. Он посмотрел в зеленые глаза жреца в военном обмундировании и узнал в них свои.

«Твой отец из рода великих воинов», — вспомнил он слова храмовой жрицы, которые услышал той ночью 10 лет назад, когда его жизнь круто поменялась.

Он догадался. Но он не жалел. Он хотел чтобы Шумер умер, и вместе с ним умерло бы его прошлое. Он вскинул руку с кинжалом вверх и прокричал:

— Битва окончена, великий царь одержал очередную победу, враг повержен и обращен в бегство! Да здравствует новое царство Шарумкена!

Аккадское войско ликовало.

— Как твое имя, смелый воин? — спросил царь Аккада.

— Дуду, ваше величество! — произнес тот с гордостью.

Шарумкен снял со своей шеи амулет, на котором был изображен человек-рыба Думузи и протянул Дуду.

— Пусть это сохранит тебе жизнь в следующем бою. Когда-то давно, когда я был еще обычным сыном виноградаря, я встретил странного человека, одетого в коричневый балахон с капюшоном. Он дал мне этот предмет и сказал: «Пусть это будет твоим талисманом. С сегодняшнего дня тебе будет сопутствовать удача во всем. Но когда придет время, через много лет, тебе нужно будет передать этот амулет воину, который спасет тебя в твоей главной битве. Ты узнаешь его». Сегодня настал такой день, а ты и есть тот воин, которому я должен передать это послание из прошлого.

Воин принял амулет, поцеловал его, стал на колени перед Шарумкеном и произнес:

— Я ваш преданный раб, мой господин!

На несколько секунд Дуду потерял бдительность, и один из несбежавших шумерских воинов подбежал к нему сзади с мечом, чтобы убить. Реакция Дуду была молниеносна, он обернулся и воткнул в грудь нападавшего свой меч.

Дверь открылась, и голографическая картинка свернулась в точку. Глиняные таблички перестали светиться.

— Похоже, недоработочка вышла. — сказал вошедший человек в синем балахоне. — Таблички не все, значит, были переведены в голографический вид. Надо заняться этим. А вам пора. Я провожу вас.

Он провел друзей до крыльца Хранилища, где их ждал Человек в коричневом капюшоне, который сопровождал их до ворот. Когда души людей Земли растворились в другом пространстве, Человек в коричневом капюшоне вернулся ко входу в Хранилище, где Хранитель увлеченно, с полной сосредоточенностью листал страницы на приборе «Слепки души».

— Все прошло хорошо? — спросил Человек в коричневом капюшоне.

— Да, в общем-то, без эксцессов. Дал им посмотреть ровно до того момента, на котором вы велели остановиться. Они не задавали лишних вопросов. И я не буду.

— Но вы можете задать, если хотите.

Человек в синем капюшоне немного «мялся», как будто не знал, как задать вопрос. Потом достал прибор, который считывает «слепок души», начал листать на нем виртуальные страницы.

— Может, это не мое дело. Но наши приборы автоматически считывают слепки души со входящих в хранилище. Так вот, с одной душой что-то не то. Вот у двоих всё как обычно. На приборе появилось их нынешнее земное имя, их контракт, связи в прошлых воплощениях. А у третьего нет.

— У кого из них? — спросил Человек в коричневом капюшоне.

— У того, кто сейчас имеет облик мужчины повыше со светлыми волосами и зелеными глазами. — Он показал увеличенную фотографию Петра на приборе, похожем на планшет.

— А что с ним не так?

— Тут все пусто. Я сначала подумал, что прибор сломался, но с теми двумя нормально все. Проверил несколько раз, прибор исправен.

— Это странно, — задумчиво протянул Человек в коричневом капюшоне, всматриваясь в пробелы напротив фотографии Петра. — Большие ничего об этом не говорили. Надо спросить у них. Возможно, это связано с тем заданием, для выполнения которого я затеял спецоперацию. Я с таким уже встречался несколько раз, так как давно работаю с Землей.

— Хорошо, просто хотел вам сказать об этом. До свидания! Если что, я всегда к вашим услугам.

Человек в синем капюшоне, поднимался по ступеням ко входу в Хранилище, бормоча себе под нос:

— Вот это дела. Надо еще раз приборы проверить. Что там должна быть за душа, которая смогла обмануть сканер? Первый раз с таким встречаюсь.

А друзья в это время обнаружили себя лежащими на берегу заиленной Реки, каждый на своем секторе.

Виктор бил в бубен. Все тише и тише. И наконец бубен затих.

— Вот это мы фильм посмотрели! — были первые слова Андрея. — Круто. А еще будет? Ни в одном 3Д-кинотеатре такого не увидишь! Вы что-нибудь нам объясните?

— Не сейчас. У нас еще будет время, пока мы будем ехать на электричке в Город.

Вокзал был довольно чистым, но Петра не покидало ощущение, что он попал в прошлое, которое он видел на картинках.

Виктор и трое молодых людей стояли на перроне железнодорожного вокзала маленького провинциального городишки, похожего на тысячи других на просторах нашей страны. С момента распада Союзной Страны прошло уже больше 30-ти лет, а на этом вокзале ничего не поменялось. На одной из стен была выложена мозаика с изображением рабочего и колхозницы, во многих местах уже поотваливались большие куски.

«Почему, — подумал Петр, — на картинах прошлого Союзной Страны рабочий — мужчина, а колхозница — женщина? Почему не колхозник и рабочая?» В этом ему виделось какое-то странное сравнение деревни с женщиной, города с мужчиной. Грубого и неотесанного города с уставшей и надрывной деревней.

На одной из колонн он увидел советский флаг с серпом и молотом, а рядом нарисованную черной краской букву N. Странное сочетание. Буква N также грозно смотрела на людей с плаката, на котором был изображен мужчина в военной форме, и кричала: «На наших».

— Лучше бы забор на вокзале починили, — прокомментировала Эллочка.

Ровно в 12.45 подошла электричка, окрашенная в зеленый цвет, с красными полосами по бокам, мощная и неповоротливая, с круглой мордой и длинным хвостом.

Внутри деревянные сидения, протертые, как старые дедушкины штаны. На полу пыльно, кое-где валялись бумажки из под конфет, в проходе — пустая пластиковая бутылка. Сидения были грязными, и понятно, почему. На одной из лавочек воцарилась на двух местах толстая женщина, закинув ноги с обувью на сиденье напротив. Так делала

не только она. Тут это было обычным явлением. Поэтому Эллочка брезгливо протерла места, где они собирались расположиться, влажными салфетками.

Пока они ехали, Петр смотрел в окно, мысленно соединяясь с бескрайними полями, засеянные злаками, кукурузой, горохом и подсолнечником.

А Виктор рассказывал, как наука может объяснить то, где друзья вчера побывали.

— Вы вчера были в ПМЖ, это, собственно говоря, другой мир, не Вселенная, а именно мир.

— Он что, существует с нами параллельно? — любопытствовал Андрей.

— «Параллельно» — не совсем удачное здесь слово. Вы про теорию струн слышали?

— Да, что-то читала, — отозвалась Эллочка, — но в общем не особо поняла, кроме того, что эту теорию нельзя доказать, но и опровергнуть ее тоже нельзя.

— Да, но из доступных на сегодняшний день объяснений Пространства Между Жизнями — эта, на мой взгляд, наиболее подходящая. — продолжил Виктор. — Хотя, наверное, мозгом понять это невозможно. Но я стараюсь. Все сущее, вероятно, делится в такой иерархии: макромир, молекулы, атомы, субатомный уровень (электроны, протоны, нейтроны), кварки. А есть еще струны. Сечение струн примерно равно 10 в минус 33 степени метра.

— Иными словами, они капец какие маленькие! — отреагировал Андрей.

— Да, пока их не удастся увидеть ни самих по себе, ни даже их проявление в экспериментах из-за ограничения регистрирующей техники. У ученых еще все впереди. А мы, шаманы, уже давно научились этому.

— Вам, наверное, грибы помогают, — пошутил Петр.

Все рассмеялись.

— Грибы сами по себе не помогают, но могут поспособствовать. Дело не в грибах, а в умении впадать в определен-

ное состояние сознания, когда видно другие реальности. Буддисты называют это нирваной, шаманы трипом.

— О, смотрите, Большая Река! — сказала Эллочка, показывая в окно! — Да, она намного больше Реки.

По полупустому вагону проплыла, как баржа, контролер.

На следующей станции зашла совсем ветхая бабуля, села на лавку и почти сразу же уснула. Через 15 минут контролер разбудила ее и попросила предъявить посадочный талон.

— Предъявите билетик, бабуля, не задерживайте.

Та ответила, смотря в упор.

— Мне 93 года, я не буду платить.

— А мне 53, и у меня работа — проверять билеты. Показывайте или я вас высажу на следующей станции.

— Я к внукам еду, нельзя мне на следующей станции.

— Где ваш билет?! — заводилась контролер.

— Я ветеран труда, у меня бесплатный проезд.

— Показывайте свое ветеранское удостоверение или талон на посадку, а то я вызову полицию! — не унималась контролер.

Бабуля копошится в сумке и с досадой в голосе сообщает:

— Нету. Видимо, дома забыла.

Люди начали оборачиваться. Но все молчали.

— Слушайте, давайте мы за нее заплатим, — вмешалась Эллочка.

— Нет. Так нельзя. Билеты нужно покупать заранее, здесь нельзя заплатить. — отрезала женщина с задних рядов.

Эллочка все же сует деньги контролеру.

— Ты че дура? На электричках не ездила? — заорала тетка. — Говорят же тебе, нельзя на месте платить. Ты мне сейчас взятку предлагаешь, а я, между прочим, государством уполномочена за порядком следить. Убери свои деньги.

— Ну надо же как-то эту ситуацию решить. Нельзя же вот так. — не унималась Элеонора. — Ну она же старенькая. Как вам не стыдно!

— А ты кто такая, что мне рассказываешь о стыде?! Сиди и молчи, я работаю! Это моя работа — билеты проверять! А то сейчас и тебя в полицию отправлю за то, что мешаешь!

— Дорогая мадемуазель, — подхватила бабуля, — ну нельзя же так нервничать на работе. У вас, наверное, давление по вечерам 180/120.

Тетка с согласием кивнула. А бабуля продолжила:

— Так вот, я вам сейчас покажу удостоверение ветерана труда. Оказывается оно было у меня в кармане рубашки. Там черным по белому написано, что проезд на электричках у меня бесплатный. А вы извинитесь перед девушкой, да и передо мной тоже стоило бы.

— За что? — удивилась тетка.

— Ее вы дурой обозвали, полицией пугали, на меня тоже кричали. Не годится так на рабочем месте себя вести. Да и нервам спокойнее, если вы потише вести себя будете.

Старушка достала из кармана удостоверение, показала контролерше и добавила:

— А георгиевскую ленточку, которую ты скрутила в виде буквы N и прилепила себя на грудь, сними, не позорься. Твой дед не за то воевал!

— Да ну вас! Умные все какие! — психанула контролер и ушла в другой вагон.

Поезд проезжал через поле, на котором креативный комбайнер решил проявить творчество и патриотизм в одном флаконе, выстригая из пшеницы символы N.

— Это так президент одной страны решил прославить президента другой. — громко откомментировала 93-летняя старушка увиденное за окном. — Всю войну ему посвятил.

На старушку посматривали, перешептываясь.

А Виктор, как аудиокнига, прослушивание которой остановили, а потом опять возобновили, продолжил:

— Так вот, друзья, струны одномерны, имеют только свойство длины, причем это не константа, а предел, стремя-

щийся к бесконечности. Струны тянутся из ниоткуда в никуда и повсюду одновременно.

— Ну допустим, — подхватил Андрей, — как это объясняет то кино, в котором мы поучаствовали?

— Ну смотри. В некоторых местах пучки струн как бы запутываются, сплетаясь в узлы. Это места потенциально очень больших энергий и плотности, что может провоцировать взрывы, вроде Большого взрыва, который и образует миры. Вот мы едем в электричке и являемся частью нашего мира, с законами, гравитацией, $E = mc^2$, и так далее. Вы были в другом мире, в котором другие законы. Эти миры могут пересекаться. Нужно только уметь это обнаруживать. Взрывы создают Вселенные-пузыри, которые рождаются, живут и схлопываются обратно. В этих Вселенных появляется понятие времени, которое напрямую связано с их искривлением из-за гравитации объектов внутри. Этот момент не так легко понять чувственно. Как гроздь винограда, короче.

Электричка замедлилась.

— О, гуси, гляньте их сколько! — Петр неплохо знал теорию струн. А вот гусей он видел крайне редко.

— Насколько эти Вселенные похожи друг на друга — никто не знает, — подхватил Петр лекцию Виктора, — так как нам доступна для наблюдения только 1 из них. Угадай, какая? Ничего не ясно: возможно ли это вообще в принципе, как в других Вселенных идет время, какие вещества там есть, какая там субатомная и атомная структура. Непонятно от слова «СОВСЕМ»!

— Еще раз произнесешь «от слова совсем», я тебе врежу. — сказала Элеонора — Это не только безграмотно, но и просто отвратительно, не пойму, почему это выражение стало таким модным. Закончить фразу вот этим «от слова совсем» сегодня просто вирус какой-то. А про наблюдателя интересно. Кто он, этот наблюдатель? Может, это и есть Бог?

Поезд ехал по рельсам, мимо него навстречу летел другой, внутри поездов сидели люди, ели, пили, разговаривали и наблюдали.